

Дневник 1972 года

Несколько слов о том, что представляет мой дневник 1972 года. С первого взгляда его можно принять за разрозненные записи, но, это просто его четыре части. Причём в дневнике нет описания ни начала путешествия, ни его конца. Но как ни странно, а именно начало и конец своего путешествия я запомнил хорошо, а вот именно эти четыре части, оставили в моей памяти воспоминания, которые никак не совпадали в деталях. Когда я восстанавливал события того года по памяти, то сразу стало понятно, что некоторые части, настолько перепутались в деталях, что даже разные люди, стали сливаться в одно и тоже лицо. Если с этим я с трудом разобрался, то с тем, как протекали дальнейшие события, то от них осталась по сути одна эмоциональная часть, которая никогда не претендует на документальность.

Сравнивая записи в дневнике с воспоминаниями, можно ещё раз убедиться, что всякие воспоминания, как и любой опрос свидетелей, это только перечень разрозненных событий, где не только время действия, но и конкретное место действия, очень редко соответствует действительности. Особенно, если эти события описываются спустя много лет, и чем дальше, тем не достоверней, и никакие письма, фотографии и справки уже никак не восполнят того, чем была наполнена повседневная жизнь, и какие тогда кипели страсти.

Первая часть, краткая с 12-го по 19-ое июля, с записями, которые я вёл в пути до верховьев реки Верхняя Лакура, связанная с определением своего местонахождения у третьего озера (Пеюнга-1).

Вторая часть, более подробная, охватывающая период с 20-го июля по 11 августа 1972 года, в которой записи делались позднее, происходивших тогда событий и только с 9 по 11 августа, судя по почерку, они уже синхронизируются по времени.

Третья часть, представляющая собой краткий хронометраж путешествия по реке Большая Ерёма, начиная с высадки в 9-45 с вертолётa на болоте, недалеко от её берега с 11 августа 1972 года по 19 августа 1972 года, до встречи с геологами.

Четвёртая часть, самая краткая, с 20 августа 1972 года, от начала выяснений отношений с Иваном Тимофеевичем и окончательной ссоры 21 августа 1972 года и до 25 августа 1972 года - вылета на почтовом самолёте из Ерёмы вместо Преображенки в Ербогачён.

12 июля 1972 года.

В 9-40 вышел из Ванавары от дома Александра Лазарева на Чамбинскую дорогу. Явно перегружен. Уже находясь в тайге, вспомнил, что забыл туристические ботинки и вернулся за ними. Начало, не ахти какое. Ручейки, которые недавно ещё с лёгкостью перепрыгивал, теперь доставляли немало хлопот – теперь прыгать мешал тяжёлый рюкзак.

В 14-30, в конец измотанным пришёл на зимовьё Чамба. Принял решение избавиться в первую очередь от тяжёлых продуктов.

В 18-00, не пошёл, а можно сказать, дальше двинулся к устью Чамбы по берегу Подкаменной Тунгуски. Поднявшись от устья 3 км вверх по левому берегу Чамбы, перешёл её вброд.

В 22-30 снова вернулся, к устью Чамбы теперь уже по правому берегу и обосновался на ночь в охотничьей избушке, находящейся в мерах пятисот от устья Чамбы на правом берегу Подкаменной Тунгуски.

13 июля 1972 года.

Дошёл *почти* до устья Верхней Лакуры, около какого-то болота свернул. Всё повторилось, как у Чамбы в позапрошлом году. Заплутал. Достал компас и через 1,5 часа достиг Верхней Лакуры, *примерно* в 2-х километрах от её устья. Прошёл берегом (*Верхней Лакуры*) где-то четыре километра. Избы не нашёл. Лёг спать на одной из отмелей. В километрах трёх от Верхней Лакуры нашёл интересный камень, напоминающий «метеорит». Волоку и его.

14 июля 1972 года.

Весь день шёл мимо живописных озёр по избузеломленному, часто заболоченному берегу. Выдохся. Построил шалаш. Просушился.

15 июля 1972 года.

Дошёл в 13-30 до озера Пеюнга-3 в форме запятой, *имеющего* в поперечнике около 1 км. Красота. Отщёлкал всю плёнку, начал новую.

В 20-00 дошёл по зимнику до *охотничьей* избушки. Принял решение отдохнуть здесь весь следующий день.

16 июля 1972 года.

Установил местонахождение избушки. Нашёл озеро Пеюнга-2. От основной тропы сделал зарубки к одной из живописных заводей (ориентиры квадраты и стрелка у тропы). Нашёл тропу вдоль верхней Лакуры. Разметил тропу к избушке, идущую южнее зимника (ориентиры на повороте квадрат с косою зарубкой сверху). Перешёл Лакуру в километрах двух от Пеюнга-2. Нашёл зарубку КСЭ. *На затёсе надпись:* «Вещи не брать, скоро вернёмся. 25/7-59. КСЭ. Сделал с обратной стороны дерева зарубку в виде восклицательного знака, а на повороте с тропы Пеюнга-2 зарубку в виде стрелки по направлению к зарубке КСЭ.

17 июля 1972 года.

Приводил в порядок вещи, сделал копию карты, которую потерял где-то в *трудно* проходимом кустарнике рядом с поворотом к зарубке КСЭ.

Принял решение идти в два часа дня к Пеюнге-1. Дошёл до «лазаревской» избушки (*назвал её так из-за листа фанеры на нарах, на котором было написано «Лазарев»*). Принял решение переночевать в избушке у озера!?

18 июля 1972 года.

Определял расположение избушки на карте. Нашёл тропу на Ванавару. По тропе идущей на северо-запад прошёл пешком 3 часа, в конце концов, потерял её. Километра два делал затёсы *почти* рядом с тропой, пока не надоело. Вернулся почти к исходной точке (*где потерял тропу*) и наткнулся на потерянную тропу. Прошёл по ней до бурелома и понял тщетность моих попыток достигнуть озера (*Пеюнга-1*) в этот день

19 июля 1972 года.

Опять «лазаревская» избушка. Итак, у какого я озера? Вчера нашёл затёс КСЭ-13, 1971 года, со списком фамилий, часть которых стёрлась: «Ронкина, ..., Проценко, Архипов, ..., Гуськова, Лобода, Барский».

Принял решение снова сходить к этому затёсу, так как тропа на северо-северо-запад, по всей видимости, на Муторай.

Установил, наблюдая с вершины хребта, что озеро, *на котором стоит «лазаревское» зимовьё и есть Пеюнга-1.*

Следовательно, обозначение направления тропы на карте вдоль Верхней Лакуры не соответствует действительности. Принял решение завтра идти к реке Сераньль вдоль хребта по направлению на север...

Оставалось для полной уверенности найти озеро Пеюнга-2. Поэтому пошёл вниз по течению Верхней Лакуры не по тропе, а её берегом.

Нашёл озеро Пеюнга-2. Оказывается, тропа в том месте обходило озеро за хребтиком, и я прошёл мимо озера, даже не предполагая, что оно может находиться именно там.

20 июля 1972 года.

Утром, около 10 часов, вышел к Пеюнге-1 со стороны ручья Пеюнга. Рядом с затёсом КСЭ-13, по направлению на хребет обнаружил затёсы. Думая, сверяясь с компасом, что это зимник по склону хребта и к тому же в нужном направлении, пошёл дальше, *ориентируясь* на них.

По пути из самых удобных точек снимал Пеюнгу-1 на цветную плёнку. Вскоре выяснилось, что затёсы разбросаны бессистемно, на всякий случай, рукой блуждающего путника.

Сделал предположение, что они, по всей вероятности принадлежат *группе из КСЭ-13, пробиравшейся в 1971 году к озеру.*

Пожалев потерянное время, пошёл к Верхней Лакуре и уже по ней стал подниматься вверх.

Идти приходилось через трудно проходимый кустарник *берегом* речки, которая к тому же сильно петляла.

В ярко выраженной долине с очень крутыми склонами берегов, где речка практически исчезла под грудой тянувшихся лентой камней, на очень заболоченном участке, принял решение свернуть на северо-северо-восток и продолжать путь по компасу, *придерживаясь* этого направления.

Решение повернуть именно здесь, по направлению к хребту Лакура, принял к тому же потому, что я хотя и продвигался крайне медленно, но за два с лишним часа пути, подумал, что всё-таки можно было пройти 5 километров.

Когда я в качестве проводника привёл на Заимку группу помощников для Джона Анфиногенова, заодно перебросил туда часть продуктов, он, прикинув мой маршрут по аэрофотоснимку местности, примерно в этой точке, рекомендовал свернуть на северо-восток, чтобы обойти Большое лакурское болото справа.

Хотя склон горы был достаточно крут, у меня не было полной уверенности, что передо мной именно высота «485» и поэтому, перестраховываясь, пошёл дальше, придерживаясь направления, немного северней северо-востока.

Подъёмы и спуски чередовались около трёх часов. Очень хотелось пить, но совсем казалось близко с таким обширным болотом, признаки воды проявлялись только в чуть влажном торфе.

В одном месте я всё-таки решил докопаться до воды, но под торфом оказалась мерзлота. Через час наткнулся на болотце, вокруг которого были явные признаки старой гари, а это уже было опознавательным знаком Большого лакурского болота, которое минут через двадцать, во всей своей красоте, раскрылось передо мной.

Это был самый трудный участок маршрута, за всё время моего путешествия. Отдыхать приходилось через каждые 50-100 метров и весьма основательно по 5-10

минут, потому что ноги проваливались в мох, и идти в нём приходилось *нередко* и по пояс, и *глубже*, всё время, ощущая под подошвами воду.

В итоге, наиболее, казалось, рациональные участки болота с высокими торфяными валами, пришлось исключить, как самые непригодные и, плюнув на всё, *вопреки здравому смыслу*, идти, *казалось бы*, по *самой* трясине.

Но идти, ощущая под ногами покачивающую чёрную студнеобразную массу, подёрнутою слегка зелёной ряской, было всё-таки значительно легче, и *это пересиливало страх*, что можно провалиться, *практически без шансов тогда вообще вылезти из этого болота*.

Перед тем как достигнуть болота я всё время шёл практически на север, по направлению на горную систему из четырёх плохо выраженных вершин с очень заметным скатом на восток, и *не сразу понял, что передо мной далеко на горизонте и есть хребет Лакура*. Вторую его вершину, по направлению на восток, принял за высоту «521». Стрелка компаса показывала на плохо выраженную долину между третьей и четвертыми высотами, ближе к последней, и я, *больше не сверяясь с компасом, дальше шёл, ориентируясь только на неё*.

Пройдя болото, остановился на ночлег на *самом* его краю, рядом с тропой, идущей на северо-запад. В этой точке на ближайшей лиственнице сделал затёс с направлением на колодец, который я вырыл в первую очередь, *как только ступил на твёрдую землю*.

21 июля 1972 года.

Продолжал движение на север до тех пор, пока не достиг долины с ручьём. По крутизне скатов долины, по их протяжённости с юга и севера, понял, что высота «521» мной была определена точно. Оставалось только определить что это за ручей – река Сераньль или её правый приток. После того как я достиг пересечения, этой исходной базовой долины с долиной, которая тянулась по направлению почти на запад, стало ясно, что этот ручей и есть река Сераньль и *теперь уже* точно установил своё местонахождение на карте.

Идти сразу стало легче. К тому же еле приметная тропка, на которую я вскоре наткнулся, идущая в нужном мне направлении, кое-где хорошо напоминала охотничью тропу, что тоже было как нельзя кстати. Дальше были река Чавидакон, в которую впадала река Сераньль, а затем и река Хушма, у *которой Чавидакон, сам был правым притоком*. Пройдя берегом Хушмы около километра, и чувствуя сильную усталость, решил, остановится на *ночлег*.

22 июля 1972 года.

Проснулся от ударов редких капель дождя. Отругал себя за то, что не дотянул каких-то 12 километров до «Пристани на Хушме». Ну, как говорится, укуси локоток! Дождь переждал под лиственницей, а потом по берегу Хушмы *опять* двинулся к избе. Комары наседали, словно чувствовали, что кончается их праздник. Идти было очень трудно *не только оттого*, что я быстро вымок *а оттого*, что берег *реки*, был большей частью или избузеломлен, или заболочен, или очень крут.

Приходилось часто делать весьма нежелательные зигзаги. Мешал, то и дело, цепляясь за стволы деревьев большой лосиный рог, который я нашёл вчера на Сераньли и поэтому только часов в пять *вечера*, достиг «Пристани на Хушме».

Там я встретил одних женщин, которых весьма поразила моя сильно искусанная комарами физиономия. Разговорились. После десятидневного молчания тянуло философствовать, как алкоголика к водке.

Узнал, что за время моего отсутствия, Джон Анфиногенов нашёл «метеорит», но это было сказано каким-то весьма недоброжелательным тоном, что мне пришлось показать тоже свой «метеорит», найденной мной на Подкаменной Тунгуске, *не побоявшись оказаться в ещё более смешном положении.* После сушки и ужина, хотел пойти *вместе с женщинами* на Заимку, но тут подошла группа ребят, как выяснилось, топить баню и я решил остаться. Среди них оказались, мои знакомые - Саша, и Валера, которых я привёл на Заимку, *в начале своего путешествия.*

Начал помогать ребятам, пилить и колоть дрова. Мытьё в этой бане, наверно, долго не забуду. То и дело я вылетал наружу, чтобы немного отдышаться, а потом лез в неё снова. Ребята тоже оказались не стойче меня. В бане было очень много дыма и когда по моему предложению, из печки, сооруженной из бочки от бензина, обложенной камнями и раскалённой до красна, мы выкинули горящие поленья, дело пошло на лад, особенно после того, как я окунулся в Хушме.

Первый раз лезть в реку было как-то боязно, но я пересилил себя и, затаив дыхание, всё-таки окунулся. Сразу обожгло холодом, но, теперь бегая, от бани к Хушме и обратно я окончательно отмылся от всей налипшей на меня почти за месяц грязи.

Конечно, я не знал, как топить баню, но и ребята оказались в этом деле чистыми дилетантами, и тоже, как выяснилось, никогда этим делом не занимались. Пришедшие, через час после нашего кошмарного мытья, на Хушму студентки, когда из бани выветрился весь дым, и прогорели в печке все угли, действительно получили от мытья в ней одно удовольствие. Оказывается после того, как баня протапливается, мыться в ней начинают не раньше чем через два часа.

Я хорошо запомнил, как двое ребят вошедшие в неё первыми, заняли элитные места, а мне пришлось обосноваться напротив топки, в которой полыхали дрова, и не мудрено, когда меньше чем за полминуты почувствовал, что как будто у меня начала слезать кожа. Ребята продержались в два раза дольше, но тоже, когда выскочили из бани, напоминали варёных раков.

Разумеется, в тот день идти на Заимку уже не хотелось, и я остался ночевать с Валерой, Сашей и присоединившимся к нашей компании Владиком, в избе на Хушме.

23 июля 1972 года.

По-собачьи (*быстро*) позавтракав чаем с сухарями с Валерой и Владиком, я, наконец-то, пошёл на Заимку. Саша ушёл раньше, наверно чувствуя, что здесь накормят не скоро.

Там от Ларисы, жены Джона Анфиногенова, я узнал, где находится «метеорит». Поднявшись на гору Стойковича с ребятами, я увидел его почти откопанным. Рядом с ним копошились Джон и Саша.

Камень производил впечатление и «чтобы это не было, - сказал я Джону, - это намного интереснее «шариков», которыми бредит Васильев, так и не удосужившийся даже взглянуть на этот уникам».

Поинтересовавшись моими планами в будущем, Джон очень обрадовался, что может рассчитывать на мою помощь до *достижения* полной ясности в происхождении раскопанного им камня.

С собой на вершину горы я захватил листок из книги Б.И.Вронского «Тропой Кулика» с опубликованной там фотографией камня Янковского. Сразу бросилось в глаза похожесть и если не ретушь, кто его знает, может быть, тогда была бы обнаружено его полное сходство с камнем Джона Анфиногенова.

Затем, пообедав внизу, я снова поднялся на гору Стойковича, прихватил с собой и свой «метеорит», *который на фоне серо-голубоватого «метеорита» Джона, выглядел обыкновенным булыжником.*

Со мной пошли Валера и Владик, который передумал идти на озеро Чеко. С собой мы захватили медные и стальные штыри с заострёнными концами, верёвку и из полиэтиленовой плёнки тент.

Мне пришла в голову мысль накрыть на всякий случай от дождя, место раскопок Джона, *с чем он согласился.*

Я, поговорив с Джоном, решил начать зондировать штырями грунт с северной стороны. Мы натянули верёвку по направлению на север и принялись за работу. В местах, где штыри натыкались на гальку, мы рыли шурфы. Вскоре стало очевидно, что мы занимаемся бессистемной ерундой, и чтобы день был окончательно не потерян, в конце его, вырыли шурф на месте, где Джон нашёл осколок от своего камня, примерно в 5 метрах, от места своих раскопок.

Там мы нашли два осколка. А на следующий день я принял решение копать вокруг «метеорита», с чем Джон согласился, *но только не ближе 10-20 метров от него.*

24 июля 1972 года.

Где-то около десяти поднялись вчетвером (Джон, Лариса, Саша и я) на гору Стойковича. Валера с Владиком ещё спали.

Я пошёл рубить березовые кольшки для разметки окружности. После того как кольшки были нарублены мы втроём произвели разметку и я с северной стороны начал копать.

Пришли Валера с Владиком и начали помогать мне, но до обеда мы так и не шли ни одного осколка.

Во время обеда Саша и Валера стали обсуждать завтрашний уход в Ванавару. Джон был расстроен. Мне было всё равно. В конце концов, Джон, прихватив двустволку пошёл с Сашей копать *свой камень* дальше. За ними поплёлся я, а за мной Владик.

Участок оказался интересным, так как через несколько минут после начала Владик нашёл довольно крупный осколок и я два маленьких на противоположном конце.

Чтобы ускорить продвижение, я решил прорубить весь участок топором и чуть приподнять его лопатой.

В одном месте, почти в центре участка, лопата провалилась в песок. Вывернув в этом месте дёрн и проворотив его, я стал устанавливать направление залегания песка. Участок оказался очень узким, и я решил установить его границы. После того как кое-что прояснилось, я позвал Джона. Но Джон с Сашей в это время были заняты извлечением какого-то очень интересного обломка, так что мне пришлось начать послойно снимать грунт *одному.*

В это время пришёл Валера и стал помогать ворошить торф. Джон тем временем освободился и с нетерпением ждал результата, а потом, взяв у меня лопату и..., показался сразу же большой со сферической поверхностью обломок, за ним другой. А потом, в торфе, *уже вывороченном перед этим нами*, Владик нашёл третий обломок.

Видя, с каким нетерпением ребята набросились на мой участок, я остановил Джона, предложив продолжать раскопки утром. Джон согласился, так как хорошо понимал, что в спешке можно наделать очень много глупостей.

Настроение у всех поднялось. Было очевидно, что этот осколок явился причиной образования этого «песка». А это уже что-то значило. Камень Джона Анфиногенова стал приобретать очертания Тунгусского метеорита.

Во время падения «метеорита», раскалённый осколок выжег грунт, и нахождение этого участка уже было крупным доказательством неземной природы «камня Джона Анфиногенова».

При подходе к избам Джон салютовал *из двустволки*. Лариса, узнав, в чём дело, поздравила меня. Все были возбуждены до предела. Саша с Валерой, чувствуя какое дело приняло оборот, решили остаться до 31 июля.

Во время ужина все, чувствуя необычность этого дня, решили его отметить. Завхоз выделил бутылку, припасённого на особый случай вина и хотя каберне не шампанское, это никак не повлияло на торжественность момента.

Потом говорили о КСЭ. Много говорил Джон обо всей мелочности придинок и упрёков, которые высыпались на его голову за время его пребывания в ней.

- Так, что же, - сказал я Джону, - и сейчас готов повторить, что сказал твоей жене вчера – что это всё-таки самый лучший вариант, что метеорит найден *именно* тобою.

Джон с улыбкой *ответил*, - что так и должно было быть, так как я уже его начинал чувствовать. – Ведь с каждым годом увеличивалась вероятность, что я его найду.

25 июля 1972 года

Сегодня встал пораньше. Закончил писать дневник и черновой вариант песни о «ванаварских тротуарах». Потом, услышав звон посуды около костра, решил помочь готовить завтрак. Около костра один молодой парнишка кипятил чай. Настроение было отличное. Парнишка предложил чаю. Я отказался и, увидев гору немойтой посуды, начал её мыть, предварительно вскипятив воду.

Встал Саша, и мы с ним влезли в лабаз, где набрали гречки строго с той нормой, которая была вывешена там.

Когда все встали, она была почти готова. В голове у меня ворошилась целая серия идей относительно выжженной осколками площадки, и я по очереди выкладывал их перед Джоном, который реже соглашался, чем опровергал.

После завтрака Джон сказал, что нужно выложить берёзовую звёздочку на болоте. Оказывается, она предназначалась для пожарников, которым Джон был многим обязан. В этом году они доставили его с женой на Заимку, так как после перенесённой несколько месяцев назад операции, она ещё чувствовала себя не совсем уверенно.

- Вот, если найду метеорит, первым делом выложу звёздочку на болоте, специально для Вас, – обещал тогда, прощаясь с ними, Джон.

Звёздочку выкладывали почти все, кто был на Заимке.

Когда она была выложена, было решено сфотографироваться в ней. Во внутрь звёздочки вошли мы с Джоном, его жена и зачем-то Вика, которая к метеориту не имела никакого отношения и находилась на Заимке неизвестно зачем.

Остальные встать рядом постеснялись, но я всё-таки сфотографировал в звёздочке Владика, который с таким усердием помогал мне.

И вот мы опять на горе Стойковича. Весь упор сделан на мою площадку. Джон делает дальнейший обкоп и обмер, а я в нескольких метрах рядом ищу новые осколки...

Через несколько часов пришла наша завхоз Мося и сказала, что ко мне с Кимчу пришли москвичи. Вскоре они были здесь.

Я попросил их не очень мешать раскопкам и не заходить за сооружённый Джоном барьер.

Когда я начал рассказывать им о ходе работ и о том, что этот камень (*Джона Анфиногенова*), по всей вероятности может оказаться метеоритом, благодаря вот этой площадке, которую нужно снять первым делом, Джон возмутился, что всё нужно начинать с *его* камня. Я возразил ему, аргументируя тем, что всё начинать, следует с него *самого*.

Джон продолжал работать на площадке, а я между делом подходил к ребятам и отвечал на их вопросы. И тут я обратил внимание, что к моим ответам на вопросы прислушивается с *явным* вниманием Джон. Он провожал меня глазами, когда я подходил к кому-либо из геологов, и мне показалось, что ему вдруг стало не до работы.

Правда, я не сразу придал этому значение. Расспрашивая о планах на будущее, я стал приглашать ребят остаться у нас на день или хотя бы отобедать. Но их очень заинтересовала на горе Стойковича галька, и они попросили у Джона разрешение на копку шурфа.

Джон не возражал и даже предложил копать его у самого камня.

Коля с Таней сразу же приступили к делу, а Володя попросил показать ему мой шурф, который я выкопал в 40 метрах от камня *Джона*, где он и продолжил раскопки.

Когда время подошло к обеду, Джон сказал, что мы все можем идти, а он ещё поработает. Я посмотрел на него с удивлением.

- В таком случае останусь и я, - почти с раздражением в голосе, *прозвучал мой* ответ Джону.

- Ладно, пойдём все, - сказал Джон и стал звать геологов.

Геологи были заняты работой, как они выразились, «которой осталось на двадцать минут».

Все начали спускаться вниз, а Джон сел на бревно и стал смотреть в сторону геологов.

Мне стало не по себе, но я уселся рядом.

- Ну, ладно пойдём, - сказал Джон, вставая через несколько минут.

Когда мы с ним начали спускаться с горы Стойковича, он начал допытываться о том, зачем мне всё это нужно:

- Ты знаешь о Коненкове? – спросил он у меня, - учителя из Преображенки, который хотел найти метеорит с единственной целью, чтобы получить Нобелевскую премию. – Правда, он не мог обходиться без людей. – Этот человек мог принести много пользы, так как хорошо знал эвенков, но замкнувшись в себе, в конце концов, спился и погиб.

- А вот ты, как ни странно, что меня очень удивляет, обходишься без людей.

- И так зачем тебе это нужно? – снова спросил Джон, подчёркивая, что это его интересует, как социолога.

Я был ошарашен этим неожиданным вопросом, но ответил, - «что, во всяком случае, это мне нужно, не из-за Нобелевской премии».

Настроение *у меня*, окончательно испортилось, и подошедшие *к нам*, вскоре геологи, сразу почувствовали это. Разумеется, стали интересоваться, в чём дело.

Лгать не хотелось. Объяснил положение вещей. Обед прошёл вяло. У Джона почему-то тоже пропал аппетит.

Когда Джон ушёл, геологи стали приглашать *меня* к себе на Кимчу.

- Поплывёшь с нами, - шутили они, - а метеорит мы тебе будем запускать каждый вечер из ракетницы.

Я колебался, но когда пошёл их провожать, принял решение покинуть Заимку. На болоте мы расстались *и* уже ненадолго.

Джона, крайне удивило моё решение уйти, но к счастью он больше не задавал вопросов.

На прощанье я подарил ему книгу Б.И.Вронского «Тропой Кулика», а Джон в свою очередь, один из кусков своей глыбы, но этот подарок меня мало трогал.

Спускаясь с горы Стойковича, я чуть не плача. На Заимке, собрав быстро рюкзак и захватив «сераньельский» *лосиный* рог, пошёл по тропе по направлению на озеро Чеко. *Проходя около импровизированного «жертвенника», положил этот рог на память Богу Огды.*

По дороге на озеро Чеко, догнал Серёжу с Таней, которые шли на Кимчу, предварительно обследовав Южное болото. Голоса и стрельба наполняли *своим шумом* тайгу, так что терялось ощущение пребывания в *этом* заповедном месте.

Всё это смахивало на Подмосковье и кульминацией, *этого праздника жизни*, была взвизывавшая над тайгой зелёная ракета.

Втроём мы быстро дошли до Кимчу. Коля и Володя сразу засуетились у костра. Вскоре мы пили чай и делились впечатлениями этого противоречивого дня.

Руководитель группы геоморфологов Николай, кого-то напоминал, и при том хорошо знакомого мне человека. Наконец, до меня дошло, что он очень похож на артиста Ланового, о чём я и сказал ему, перед тем, как мы сели пить чай. Николай сказал, что он действительно похож, но только на «ломового» и эта, сделанная им самооценка своей личности, вызвала дружный смех.

26 июля 1972 года.

Утром, пристреляв ружья и загрузив 500-килограммовые резиновые лодки снаряжением, мы отплыли по направлению на озеро Чеко, до которого было километра четыре.

Вскоре показалась охотничья изба. Мы сошли на берег. Ребята подошли к Н.В.Васильеву, а я пошёл к озеру, *чтобы иметь о нём лучшее представление.*

Озеро Чеко уступало Пеюнге-3, к тому же оно оказалось зарастающим.

Наглядевшись на озеро, я тоже подошёл к Васильеву, который сразу меня узнал. Опять Васильев стал меня отговаривать от путешествий в одиночку, приведя какой-то весьма тёмный пример с гибелью одного инженера в этих местах.

Я улыбался, ссылаясь на то, что эти путешествия уже позади.

Володя, как физик поинтересовался состоянием дел. Васильев оживился, пошёл в избу, взял там большой лист миллиметровки, где была изображена координатная сетка с центром на Заимке, покрытая разноцветными кружками. Цвет кружков говорил о количестве «шариков» в пробах и определённая последовательность *увеличения их количества, внушала оптимизм.*

Васильев дал понять, что для того, «чтобы установить полноту картины, нужно покрыть лист с такой частотой, на которую потребуется несколько лет».

Но самая большая трудность *для него* заключается, оказывается, в том, «что силикатные шарики, кроме всего прочего, образовывались во время торфяных пожаров. А торфяные пожары в этих местах не такая уж редкость».

Пока мы с Володей говорили с Васильевым, Серёжа с Косолаповым возился с движком (*бензогенератором*), выход из строя которого, грозил сорвать работу, но и Серёжа не мог здесь ничем помочь.

Почти не принимая участия в разговоре Васильева с Володей, я почувствовал, что меня начало тянуть ко сну. Наверно я бы и заснул, но тут Володя задал вопрос, который сразу отогнал охватившую меня дремоту:

- Извините, но я что-то не понимаю, - указывал Володя на карту с местами взятых проб, - почему в некоторых местах пробы брались вами так часто, а в некоторых не брались совсем?

Васильев, как мне показалось, растерялся и не сразу ответил, но его ответ поразил меня, тогда думаю сильнее даже того, если бы кто-нибудь, сзади ударил меня, обухом топора по голове:

- Понимаете, там произрастает такой вид мха, который мы не можем датировать...

Я закашлялся, и быстро отошёл от стола, чтобы Васильев не заметил, что мне трудно сдержаться, чтобы не заржать, как лошадь.

От обеда, помня «анфиногеновский приём», ребята отказались.

Прощаясь с Васильевым, я всё-таки предложил ему подняться на гору Стойковича и посмотреть на «камень» Джона Анфиногенова, который после моей находки не исключает вероятности, что он действительно имеет отношение к Тунгусскому метеориту.

Когда мы огибали мыс, чтобы снова продолжить сплав по Кимчу, Серёжа, увидев на нём трёх амазонок из КСЭ, предложил пристать к берегу и искупаться.

Предложение было принято. Девчонки стали приглашать отобедать у них. После недолгого совещания мы решили этот вопрос положительно.

Володя с Колей пошли промывать шлих, а мы с Серёжей плескаться в озере.

Обед затянулся ввиду крайней не квалифицированности общественных поварих. Когда мы покидали озеро Чеко, было ясно, что этот день был окончательно потерян.

Было решено, что Володя с Колей возьмут в районе озера Чеко несколько проб, а мы (Серёжа, Таня и я) спустимся немного вниз, где, найдя приличное место для стоянки, будем разбивать лагерь.

Километрами четырьмя ниже, мы нашли удовлетворительное место и к тому времени, когда вернулись Коля с Володей, у нас была поставлена палатка и всё готово для ужина.

27 июля 1972 года.

Место для стоянки представляло собой сильно вытянутый мыс, который с одной стороны окаймляла старица, а с другой собственно сама река.

Здесь мы простояли целый день. Ребята уплыли за пробами, а я, приготовив обед и дождавшись одну из групп, сделал вылазку в один из подозрительных ближайших районов, где даже провёл какое-какие раскопки «лисьей норы». Но об этом я узнал только благодаря Серёже, которого я попросил мне помочь, и который обнаружил рядом с ней ещё несколько подобных «метеоритных воронок».

Самое главное же в этот день было то, что перед тем, как отправится за пробами, Коля попросил меня, вырыть в тени «холодильничек» (ямку до мерзлоты) и положить туда, успевшее подтаять, сливочное масло.

Как только ребята уплыли, я взял лопату и отправился к одной из больших берёз и начал копать яму. Но, только откинув дёрн, сразу же наткнулся на тот же самый белый «песок», который я обнаружил на горе Стойковича и который воспринял, как продукт воздействия на грунт, упавшего там, раскалённого космического тела.

Как истинный исследователь, которого уже начинал разбирать смех, я подошёл к другой берёзе, стоявшей в нескольких метрах от первой и начал копать там. Вскоре я наткнулся на такой же «песок». У третьей берёзы было то же самое. Никогда я ещё так не смеялся над собой, и когда ребята вернулись, то своё хорошее настроение, объяснил тем, что принял за метеоритную воронку «лисий нору» и только благодаря Серёже, не продолжаю её раскапывать до сих пор. То, что Джону Анфиногенову теперь придётся очень долго доказывать, что его «камень» является Тунгусским метеоритом», я уже не сомневался, но своей

«радостью» с московскими геоморфологами решил всё-таки не делиться, и сохранить это «открытие» в тайне.

28 июля 1972 года.

Достигли первых перекатов. Ловили хариусов. Поймали что-то около ведра и даже на жарёнку.

Кто-то из ребят спросил меня, ел ли я когда-нибудь «талу», сырую рыбу. Я сказал что нет и тогда первого снятого с крючка хариуса, сразу же разделали (почистили, разрезали на ломтики и слегка посолили) и тут же предложили мне попробовать. Не без некоторой опаски я взял ломтик рыбы и откусил маленький кусочек. К моему удивления вкус рыбы напоминал вкус малосоленной сельёдки и если бы я не видел весь «процесс» её приготовления, то никогда бы не догадался, что это сырая рыба. После того, как я съел всю рыбу, мне сказали, - если бы это был таймень, то вообще бы не почувствовал, что эту рыбу только что вытащили из воды. Почему эвенки едят сырую рыбу у меня больше не вызывало удивления, - сырого хека или морского окуня, они бы точно есть бы не стали.

Ночевали на изумительной косе, которую окружали заросли красной смородины, напросившейся к нам в компот.

Путешествие проходило нормально, если не считать, что отсутствовала радиосвязь, а продуктов оставалось дня на три. Вертолётom не пахло.

29 июля 1972 года.

Продолжали плыть вдоль ущелья. На перекатах ловили хариусов, но клёв был хуже, чем вчера.

На одном из перекатов, у самого берега, где был небольшой водоворот, отклеившаяся заплата на нашей лодке, привела к спуску воздуха из одного её бортов (отсеков), и мы (я, Серёжа и Татьяна) на ней сначала сильно накренились, а затем, неожиданно, перевернулись.

Получилось так, что перед тем, как лодка перевернулась, я съехал с неё в реку, и мои ноги устойчиво зафиксировались на дне. Поэтому, пока ребята ещё барахтались в воде, я смог удержать лодку и прижать её к берегу. А когда уже решил выйти на берег, то заметил в воде, что к сапогу прилип какой-то полиэтиленовый пакет с бумагами и я его быстро поднял. Оказалось, что, когда мы подплывали к перекату, Татьяна достала карты и аэрофотоснимки местности, чтобы уточнить места для дальнейшего взятия проб. Карты у неё остались в руке, а пакет с фотоснимками был смыт водой, и они сразу же оказались на дне. По какой-то случайности их там отнесло течением прямо на мой сапог. Это больше всего возмутило руководителя группы Колю, и если бы не моё присутствие, то не знаю, как он тогда бы выразался по этому поводу. Его можно было понять, что и карты и аэрофотоснимки являлись секретными документами, и какие у него потом могли быть неприятности, даже трудно себе представить.

Володя с Колей в это время находились в километрах в двух, где копали шурф и не подозревали об этом.

Провозившись полчаса, окончательно вымокнув, еле собрав почти все вещи и утопив спиннинг, мы приняли решение вдвоём с Таней идти вдоль берега к Володе с Колей, а Серёже предстояло заклеить лодку и ждать помощи.

Через полчаса мы уже разговаривали с Колей. Коля предложил нам с Таней плыть на его лодке и искать место для ночлега и приготовить всё для ужина.

В километрах трёх ниже мы нашли подходящую площадку. Прошло часа два. Послышались выстрелы и мы вдруг увидели подплывающую лодку, которой управлял *один* Серёжа.

Оказывается, никого не дождавшись, Серёжа решил плыть один.

Минут через двадцать пришёл Коля и крайне удивился тому, что Володя с Серёжей разминулись.

В этом ничего не было удивительного, так как Володя, по всей видимости, срезал один из изгибов реки, чтобы сократить путь, в то время как Серёжа проплывал по нему.

Коля несколько раз выстрелил из ракетницы, а Серёжа из ружья. Минут через сорок пришёл Володя, сильнее искушенный комарами, чем утомлённый этим бессмысленным переходом.

Обед прошёл натянуто. Было не до шуток, так как по-прежнему отсутствовала связь, и катастрофически обстояло дело с продуктами.

Тут только до меня стало доходить, что я расхолаживаю рабочую атмосферу, что явно не входило в мои планы, кому-то мешать в каком-то полезном деле. *Это было* выше моих сил.

30 июля 1972 года.

Коля с Таней уплыли за пробами, а мы втроём досушивали снаряжение, чинили лодку, и затем загружали её *снаряжением*.

Я чувствовал какую-то вялость, которая очень медленно переквалифицировалась в апатию, и всё как-то *сразу стало* безразличным.

Это бывало со мной всегда, когда я чувствовал себя не в своей тарелке или в отношении себя какое-то покровительство, смахивающее на одолжение.

В этот день мы прошли два эффектных *геологических* отложения *горных* пород. Володя много снимал кинокамерой, а я жалел, что после «*незапланированного*» купанья, мой фотоаппарат вышел из строя.

После второго *геологического* отложения был завал. Серёжа предложил перенести вещи по берегу, но я убедил его, что проще прорубить дорогу.

Деревья были толщиной до 35 сантиметров, но рубились легко, так что через минут сорок мы сделали в завале необходимый проход.

В поведении Володи и Коли чувствовалась еле скрываемая раздражительность, когда мы с Серёжей пробовали оптимистически описывать дальнейший путь.

У этого завала я сказал Серёже, что завтра покидаю их, так как атмосфера взаимопонимания начинает портиться.

Серёжа не отговаривал - у него на душе, как мне показалось, было то же самое.

В километрах двух *после завала* мы разбили лагерь уже на кем-то покинутой стоянке. Нигде и никогда я не видел столько смородины и такой крупной и в таком изобилии, как здесь.

Это немного развеяло мои *грустные* мысли. Завтрашний день был днём рождения Тани. Ей исполнялось 20 лет. Я взял котелок и углубился в заросли *красной* смородины и до тех пор, пока меня не позвали ужинать, собирал её *там*.

31 июля 1972 года.

В этот день я долго думал о подарке. Ничего у меня не было подходящего для этого случая. Оставался только один «метеорит» (*обломок №127, подаренный мне Джоном Анфиногеновым*). Я взял топор и *обухом* отколол от него кусок с полкилограмма, а оставшиеся при этом осколки отдал Коле с Серёжей.

С утра Коля подстрелил глухаря, так что жаркое нас не беспокоило.

В этот день, даже я, сходил на охоту. На одной поляне увидел в нескольких метрах от себя сидящего низко на ветке рябчика с поднятым хохолком и показавшего мне большой птицей. Промаяхнуться с такого расстояния было невозможно. Я спустил курок, раздался выстрел, и эта красивая птица рухнула на землю. Когда я поднял рябчика, то оказалось, что он до того маленький и жалкий, что мне стало стыдно, что я, не задумываясь, оборвал его жизнь. Стало не до охоты, и я со своим «трофеем» сразу же вернулся в лагерь.

Ребятами суетились над приготавливаемыми яствами. Незаметно прошёл в хлопотах весь этот день.

И вот сделаны подарки, хлопнула пробка румынского шампанского, которое для этого случая Серёжа купил в Ванаваре. Произнесены первые тосты. Затем пили разбавленный спирт уже без тостов, забыв, зачем и по какому поводу собрались.

Потом вообще разбились на пары – Коля стал что-то обсуждать с Володей, а я разговорился с Серёжей. У каждой пары была своя тема для разговора. В итоге Татьяна махнула на всех нас рукой, и отправилась мыть посуду. Иногда кто-то предлагал ещё выпить, но общего разговора всё равно не получалось.

Наконец я почувствовал, что в меня больше не влезет и, не обращая внимания на уговоры, бросил это лишнее для путешественника занятие. Всё равно я, кажется, перебрал.

Извинившись, я вышел из палатки и устроился у *горящего костра*, на берегу Кимчу.

В палатке же по-прежнему продолжали перемываться кости начальства, потерявшего совесть, радистки (в Ванаваре), которая, по всей видимости, больше думает о танцах, чем о бедных геоморфологах из Москвы и как логическое завершение, там также коснулись и моих костей.

Я был далёк от мысли, чтобы обиться. Сколько раз сам в подобном состоянии, я ловил себя на слове, что меня так и подмывает сесть, на этого любимого *всеми* конька, на котором так и тянет прокатиться подвыпившего человека.

Из палатки вышел Коля. Начал зачем-то оправдываться, но я прервал его монолог, безразличным жестом, давая понять, что это всё ерунда, а главное чай, который должен вот-вот закипеть.

Все перебрались к костру, и всё дальнейшее расплылось в тумане сна. *Сквозь сон* проходила тонкой ниточкой, связывающая меня с действительностью мелодия моей *давно написанной* песни:

*«К земле усталостью пригвоздженный,
Когда дремотою объят,
Прижмусь к костру,
в штормовке прожженной,
Как будто делаю обряд...»*

Проснулся я от Серёжиного голоса с другого берега реки: «Костя, как я здесь оказался и к тому же совершенно сухой?»

Перевезя Серёжу в лодке на наш берег, который в честь Тани мы назвали «Татьяниным берегом реки Кимчу», я вспомнил, что во время разговора в палатке, когда большая часть разбавленного спирта уже была выпита, Серёжа неожиданно стал заряжать ружьё, и сказал, что пойдёт поохотиться. За ним следом вышел и я, и только теперь вспомнил, что у костра мы пили чай без него. Серёжа, поднявшись вверх по реке до переката, через который по камням и валунам было легко, не замочив ног, перейти на другой берег, зачем-то перешёл реку, а затем, наверно, он перестал соображать, где находится, и пошёл назад по противоположному берегу.

Серёжа пошёл ночевать в палатку, звал туда и меня, но у догорающего костра, я чувствовал себе сегодня как-то уютней, если не сказать, что очень хорошо.

1 августа 1972 года.

Меня никто не отговаривал. События последних дней подтвердили бесполезность подобных мероприятий. Ребята написали письма своему начальству и домой, предупредив меня, что их судьба теперь «в моих руках».

Потом, московские геоморфологи решили мне вернуть оставшиеся от моих продуктов три банки тушёнки, но я отказался, сказав, что через три дня буду в Ванаваре, а им ещё неизвестно, когда начальство забросит продукты, так что они им нужней, чем мне.

Часа в четыре дня мы расстались. Они поплыли дальше, а я берегом Кимчу пошёл назад.

Перед этим с двух клочков карты местности, переснятых на кальку, я сделал одну. Работу по перенесению этих клочков карты, на один общий лист кальки, я сделал крайне небрежно. Один из листочков оказался перевернутым на 180°, а дальше всё пошло по Кузьме Пруткову.

Не смотря на то, что здравый смысл говорил, что я иду правильно, карта указывала мне, что нужно идти по противоположному берегу. Поэтому в конце одного из перекатов, где легко было перейти речку вброд, я перебрался на противоположный берег, о чём впоследствии очень пожалел.

Озера Чеко я достиг часа в два ночи. Последние километры, пришлось идти под дождём, а затем - в тумане.

Конца пути не было видно, хотя, совсем рядом, казалось, до меня доносились удары топора, и ревел двигатель.

Показалось озеро Чеко. Пройдя вдоль его берега к реке, я услышал на противоположном берегу голоса. Крикнул. Меня услышали и минут через пятнадцать перевезли *в лодке через реку.*

Перевозил Васильев-младший. Когда мы плыли, поинтересовавшись, как прошла его экспедиция по реке Тэтэрэ, и не остался ли в обиде хозяин лодки, я успокоился, так как в деле с лодкой я был не последней скрипкой и даже ручался за этих «трёх Володек», *что они его не обманут.*

Выспаться в этот день не удалось, так как всю ночь пришлось сушить вымокшую одежду. Под утро попробовал вздремнуть, но вскоре понял всю тщетность этих попыток.

2 августа 1972 года.

Встретился с Н.В.Васильевым, который был рад, что я успел к общему сбору. Я сказал, что врятли останусь, так как у меня письмо от московских геоморфологов, терпящих голод, как физический, так и творческий.

Васильев рассказал мне, что на Заимке появился некий майор авиации (Иван Тимофеевич), со странной идеей, где и как искать Тунгусский метеорит. Оказывается, он застал самый конец войны. Видел даже как недалеко с местом, где располагалось его военное училище, немецкий самолёт сбросил бомбу. Он бегал посмотреть на образовавшуюся воронку, и хорошо помнит, как осколки бомбы поразили стволы стоявших рядом деревьев. Вот он и решил искать Тунгусский метеорит не на земле или в болотах, а в тайге на столах деревьев, так как, если метеорит действительно взорвался, то его осколки, должны были, как и бомба, поразить деревья таким же образом. Рассказывая мне это, Васильев не мог

скрыть улыбки, но отметил, что всё-таки очень благодарен этому майору, хотя бы за то, что он помог починить бензогенератор, и, благодаря этому, работу лаборатории на озере Чеко, не пришлось сворачивать раньше времени.

Собрав рюкзак и взяв, пойманную студентами рыбу, для общего сбора КСЭ, я пошёл на Заимку, но по дороге туда опять попал под дождь.

Место было открытое – болото, так что вскоре, я снова вымок до нитки. Идти в этот день в Ванавару уже не имело смысла. Я остался. Развесил около командорской избы свои вещи и стал без дела бродить вокруг суетящейся публики. Затем совесть взяла верх, и я пошёл чистить картошку. Добросовестной работой, я реабилитировал себя, (то есть привёл себя в норму) окончательно. Медленно отступала хандра. Я уже не смотрел так мрачно на окружающих и даже познакомился с Иваном Тимофеевичем Рысенко, поначалу показавшимся мне охотником-любителем с некоторыми претензиями на метеорит.

Часа два, мы готовили с ним суп. Потом он поинтересовался, не хотел бы я отправиться с ним на Большую Ерёму.

Я не имел представления об этой реке и отказался, сославшись на то, что река Дилюшма меня интересует больше.

Прилетели пожарники, которых отвели к Джону смотреть его «метеорит». Спустя некоторое время, когда все собрались, началась «конференция», в которой полностью отсутствовала научная часть. Выступил, читая очередной «курумник», Васильев, где в мой адрес сказано было нечто местное. Я назначался председателем комиссии одного щепетильного дела «Где Лакура?» В этом году Антонов-младший её не обнаружил, подойдя к ней «сбоку», как я потом понял, запутавшись в ориентирах. Фамилию мою, как всегда исказили, но этот вариант был, приемлем – я стал «Костей Кохамским».

Это был почти готовый псевдоним, которым я, непременно, когда-нибудь воспользуюсь.

Из прошлогодних ребят была Лена Парфёнова, и мы с тоской вспоминали те дни, когда раскинувшаяся над горой Стойковича ночь, всё дальше и дальше поднимала над горизонтом свои тайны.

Я почти не пил и не пел своих песен. Культ Алёны Бояркиной здесь был настолько прочен, что я не захотел вносить в него еретический дух непокорности устаревшим догмам и штампам.

Я уже жил 1973 годом – своей новой экспедицией, которую уже не думал проводить в одиночестве.

Под утро, когда все начали расходиться, я снова приступил к обряду сушки одежды. И вторая ночь прошла без сновидений, но они компенсировались пирожками, которые я жарил для себя и всех желающих.

В этот день состоялась короткая беседа с Джоном. Оказывается рядом с моим участком, он нашёл обломок в тонну весом, который стыкуется с остальной глыбой. Мне оставалось только поздравить Джона и уйти к друзьям к противоположному концу стола.

3 августа 1972 года.

По недоразумению я не улел на вертолёт. Поинтересовавшись у Джона о его загрузке, я понял, что для меня там место не предусмотрено. Вертолёт улел полупустым. Мне оставалось только собирать рюкзак для пешего, в общей сложности, за 2 года пятого похода по тропе Кулика.

В этот день в Ванавару собирались Олег с Сашей из Томска. Они обрадовались, что я пойду с ними. Около одиннадцати мы покинули заимку. В этот день мы

дошли до реки «Макикты с плёсом» (*ориентир на тропе Кулика*) и остановились на ночлег в 500 метрах от неё.

4 августа 1972 года.

От Макикты с плёсом, пройдя утром около двух километров, по моей инициативе, мы остановились у ручья с очень чистой водой, где я пожалел, что перед этим съел несколько карамелек. Вода с этими карамельками компенсировала бы любой напиток. Карамелек не было, так что пришлось назвать ручей Карамельным.

На стоянке «Бог Огды» мы долго любовались круглым озером, пили из него воду, а я даже прошёлся по его берегу, чтобы убедиться, что оно всего-навсего плёс Макикты, образовавшийся в результате завала в метрах десяти от нас.

Около десяти часов мы достигли берега Чамбы, где собирались сделать привал, но уже разведённый костёр пришлось погасить, так как надвигавшиеся с севера тучи не предвещали ничего хорошего.

Пришлось перейти Чамбу вброд и идти вдоль её берега шесть километров до зимовья, находящегося в ста метрах от берега, рядом с тропой *Кулика*.

Здесь в случае дождя мы приняли решение переночевать. *Как и ожидалось*, пошёл дождь, когда мы *только* стали наполнять котелки водой, *теперь уже* и для обеда, и для ужина, и для завтрака.

Хотя дождь быстро кончился, продолжать путь уже не имело смысла. По мокрой траве, достигающей местами до пояса, идти было равносильно, что и по воде. *Пообедали*. Саша пошёл спать, а мы с Олегом, разговорившись, принялись готовить ужин и как две старые сплетницы, начали перемыывать кое-чьи кости, в основном Валины, которая, как из меня, так и из Олега и ещё из многих выматывала душу своей заботой о своём здоровье.

Потом я начал о чём-то рассуждать, но Олег прервал мой монолог, сказав, что слышит женские голоса.

К моему удивлению, вскоре из-за кустов показалась Валя с какой-то девушкой. Она очень обрадовалась, увидев нас, думая, что мы пойдём теперь вместе. Нас такой вариант не устраивал. Наученные горьким опытом, мы готовы были выйти, хоть сейчас, но честно сказали, что *собираемся* идти в *Ванавару* завтра в четыре часа утра. Их такой вариант не устраивал. Мы сочувственно развели руками. Свой завтрак мы предоставили в качестве ужина девушкам, а себе сварили другой.

Избушка явно не была рассчитана на пятерых. Я устроился рядом с дверным проёмом между основанием для печки и нарами на двух рюкзаках, как на двух кочках и *поэтому* утром, *когда проснулся*, долго не мог понять, где *и у кого* нахожусь.

5 августа 1972 года.

Часа в четыре *дня* мы были в Ванаваре. Аэродром по случаю субботы уже не работал. Мы пошли к *товарищу* Кальницкому, начальнику московских геоморфологов. Я отдал ему *от них* письмо, предварительно поинтересовавшись, как обстоит дело с вертолётном. Вертолёт с продуктами ещё не выслали. Дальнейший разговор не имел смысла и я, вручив ему два пакета, вышел из комнаты.

Ночевали в избушке с полозьями (*балке*), стоявшей на улице Ивана Увачана, и предоставленной *КСЭ* местными властями, в качестве перевалочного пункта.

6 августа 1972 года.

Утром пришла Валя с подругой. Мы же, предоставив им всю полноту власти в домике, *решили пройтись* по магазинам. Работал только один продовольственный. Денег было в обрез, и яства не предвиделись. Вечером подошли Антонов-младший со Слеповой. К тому времени мы приготовили борщ, и он им был весьма кстати. Валя пошла за хлебом, а я, зная, что булочная закрыта, пошёл за ней следом в магазин, предполагая, что она полностью лишена фантазии и кроме булок в данный момент ни о чём другом не вспомнит. В магазине я купил печенье и быстро вернулся назад. Всё остальное было, как я предполагал. *У нашего домика* горел костёр. На огонёк пришёл местный паренёк Борис Брюханов.

Пели песни, и даже я свои. Некоторые понравились. Блокнот с этими песнями я отдал Борису до утра, проявившему желание кое-что переписать.

7 августа 1972 года.

Утром встретился с Иваном Тимофеевичем. Он поинтересовался, - не вышел ли ещё из тайги Толик Косолапов, который обещал пройти с ним на лодке (ветке) по Большой Ерёме. Я сказал, - что нет. Иван Тимофеевич огорчился. Мы же (*я с Сашей и Олегом*) потом целый день потеряли в аэропорту, и купили билеты на самолёт только на 16 августа.

8 августа 1972 года.

Утром пришли с Заимки ещё двое – Игорь с девушкой, но я уже в аэропорт не торопился, так как около 12 часов ночи за бутылкой водки в компании с Антоновым-младшим договорился с Иваном Тимофеевичем плыть с ним от верховий Большой Ерёмы до Преображенки.

Олег с Сашей и Игорем билет не достали, но и нам с *Иваном Тимофеевичем* не светил вертолёт – он был занят на пожаре.

9 августа 1972 года.

Антонов-младший, Слепова и Борис Брюханов улетели к Чадобцу, что в 90 километрах от Кежмы. Дальше им предстояло идти пешком.

Из тайги вышла Алёна *Бояркина*. Договорился с ней, что вышлю ей всю имевшуюся у меня зарубежную фантастику в обмен на слайды из фильма *о поисках Тунгусского метеорита*. Алёна *вскоре* улетела.

Из тайги вышли Косолапов и Антоновы. *Антонов-старший, узнав, что я отправляюсь на Большую Ерёму, попросил меня взять там земляные пробы.*

На Большой Ерёме, я решил взять 25 проб. Свой билет на самолёт я продал Игорю.

10 августа 1972 года.

Из тайги вышел Васильев. Оказывается на Заимке ЧП – заболел Джон *Анфиногенов*. Васильев думает, что он надорвался.

Косолапов обдумывает вариант, как бы вперёд нас слетать на вертолёте на Чеко. Что ж и здесь мне дорогу переходит Джон.

Начальник пожарников Юра Юрин, наконец, сказал определённо, чтобы мы приходили завтра утром к 8–ми часам.

Вечером говорил с Васильевым о предстоящих экспедициях. Васильев думает перебраться на Чуню и где-то на ручье Кордо соорудить лабораторию. На север от *озера Чеко*, оказывается, есть геологическая просека, далее километров

тридцать, два года назад прошёл вездеход, так что он думает, прокладывать тропу придётся 70 километров.

Моя заинтересованность эвенкийскими тропами его удивила, а предстоящая, *когда я ему намекнул*, моя экспедиция с группой, кажется, даже испугала.

Рассказал ему историю с геоморфологами. Опять коснулись Джона. В который раз услышал от него, какой он умный, но *вот только* его характер несносен. Васильев не заинтересован в разладе. Перешёл от критики *Джона*, к насыщению меня информацией о тропах. Обещал прислать карту Сулова с его обозначением *эвенкийских* троп.

Затем Васильев рассказал мне историю с купцом Суздалевым, который посещал место падения *Тунгусского метеорита* и, собрав эвенков, объяснил им, что это явление привлечёт русских. А это, значит, пропадёт зверь и прочее. *Его* приказчик был более прямолинеен, - кто вздумает туда пойти, - сказал он, - того *просто* будут убивать.

Не смотря на это, четверо эвенков посетили места вывала. Суздалев, - как объяснил Васильев, - не ограничился только этим *запугиванием эвенков*, - он даже застолбил *за собой* этот район.

В районе Чамбы им был даже закапан столб с какими-то отождёнными на нём знаками.

Суздалев был знаком с Громовым и занимался неслыханным грабежом местного населения в таких масштабах, что это даже потрясло находящихся в Ванаваре миссионеров. Они донесли енисейскому губернатору, и Суздалев был выдворен из этих мест (где-то в 1914 году).

Вся эта история, - как сказал мне Васильев, - была запротоколирована Коненкиным и рассказана им ему лично.

После чего он добавил, что очевидец *тех событий*, бывший шаман Аксёнов, сейчас находится в Ванаварской больнице, и говорят от одной только русской речи поблизости, ему становится хуже. Поэтому посетить Аксёнова *в больнице*, Васильев не делал даже попытки, а может зря.

11 августа 1972 года.

Юра Юрин сказал, когда мы с Иваном Тимофеевичем пришли в аэропорт, что всё в порядке:

- Сейчас придёт машина, погрузите лодку, а там на вертолёт.

Пришли Васильев с Косолаповым. Оказывается в верховьях Макикты пожар. Юра Юрин обещает вывести пробы и Джона завтра, но сначала, отправит, как и обещал, показывая на нас – этих ребят.

Подъехали к вертолёту. Лодка не втаскивается в боковой люк, из-за лишних, примерно, десяти сантиметров, *её длины*.

Это создаёт определённые неудобства. Лодку уже нельзя будет сбросить с воздуха и придётся искать площадку для посадки.

Наконец, через задний люк лодка погружена в вертолёт. Взлетели. Минут сорок пути. Юра Юрин показывает мне внизу зимовьё, но я его не вижу. Из-за рёва двигателя не могу понять, зачем, он мне его показывал, вообще.

Вертолёт садится приблизительно в метрах двухстах от реки, на островке посередине болота. Быстро выгружаемся. Юра Юрин показывает мне на карте приблизительное место нашей выброски на карте.

Около часа перетаскиваем лодку с рюкзаками к берегу реки. Наконец, *после капитальной просмолки днища и бортов лодки*, отплыли.

Далее только краткая хроника описания маршрута.

11 августа 1972 года
(продолжение).

9-45 – высадились с вертолётa в метрах 150-200 от реки на островке посередине болота.

12-00 – перенесли лодку и вещи, *попробовали плыть, но лодка сразу же затонула, вытащили лодку на берег и, растопив на костре вар, залили им щели в днище и в бортах лодки.*

12-10 – отплыли.

13-20 – проплыли первый ручей со стороны правого берега.

13-30 – ручей справа.

13-48 – первый перекат.

13-50 – ручей справа.

13-55 – ручей слева.

14-00 – завал грунтовой длиной 1 метр.

14-15 – остров, за ним плёс.

14-25 – ручей слева.

14-35 – завал из деревьев длиной 3 метра и ручей справа. Стояка на обед.

15-20 – продолжили плавание.

15-40 – ручей слева.

16-00 – завал из деревьев длиной 20 метров.

16-17 – завал из деревьев длиной 50 метров.

16-25 – ручей справа с явно выраженной долиной.

16-50 – прошли небольшой завал.

16-55 – подошли к первому зигзагообразному порогу, длиной 30 метров.

17-05 – прошли порог.

17-20 – ручей слева.

17-22 – ручей справа.

17-23 – речка слева, *произвели осмотр местности.*

17-45 – отплыли от речки.

17-46 – ручей справа.

17-55 – плёс длиной около 100 метров.

18-00 – ручей справа.

18-15 – ручей справа.

18-25 – зимовьё, от него в 20 метрах с берега виден лабаз. Зимовьё не достроено.

18-40 – отплыли от зимовья.

18-55 – ручей справа.

19-00 – плёс приблизительно длиной 100 метров. Там где река делала разворот, было видно зимовьё.

19-12 – ручей слева.

19-17 – ручей справа.

19-35 – заросший плёс шириной около 100 метров.

19-55 – речка слева.

19-56 – ручей слева.

20-00 – стоянка на ночлег на левом берегу. С реки на берегу был виден круговой затёс. Рядом старая эвенкийская тропа и следы стоянок. От них идут тропы с затёсами, одна на восток, а другая вдоль берега на юго-восток. Прошёл немного по обеим тропам. Восточная тропа ветвится, кое-где вдоль неё на деревьях затёсы.

Юго-восточная тропа поворачивает на восток и идёт по склону холма. Взял земляную пробу в стороне от этой тропы. Много старых затёсов на стоянке. Лабиринт канавок, как на Пеюнге. Район распространения их дальше установить не удалось.

12 августа 1972 года.

- 7-30 – отплыли от стоянки.
- 7-50 – плёс справа почти прямоугольной формы, длиной около 100 метров.
- 8-05 – ручей справа.
- 8-30 – большой вытянутый плёс шириной около 40 метров.
- 8-45 – плёс, приблизительно 80 метров с островом.
- 8-48 – прошли плёс шириной около 100 метров, после которого ширина реки явно увеличилась и стала больше 10 метров.
- 9-00 – ручей справа.
- 9-05 – справа шесть маленьких ручейков.
- 9-00 – три ручья справа.
- 9-17 – большой ручей справа.
- 9-25 – завал, большое упавшее дерево перекрыло русло реки.
- 9-30 – сужение протоки до 5 метров.
- 9-40 – ручей справа, протока около 3-х метров.
- 9-42 – ручей справа.
- 10-00 – речка слева, ширина в устье 2 метра, в десяти метрах от устья 1 – 1,5 метра.
- 10-30 – остановка, взял земляную пробу, поплыли дальше.
- 10-45 – ручей справа.
- 10-48 – речушка справа, ширина 20 см.
- 10-48 – ручей справа.
- 10-52 – ручей слева.
- 10-55 – сужение реки до 2 метров.
- 11-00 – плёс шириной более 100 метров с островом у правого берега.
- 11-15 – сужение до 2 метров.
- 11-20 – плёс шириной до 60 метров.
- 11-22 – зимовьё, без печки, с лабазом на левом берегу. Остановились для отдыха. Пили чай.
- 13-20 – отплыли от зимовья.
- 13-40 – подплыли к вертолётной площадке, с которой хорошо видно зимовьё. Заморосил дождь.
- 14-05 – отплыли от вертолётной площадки.
- 14-15 – сужение реки до 2-х метров, за ним плёс слева шириной около 50 метров.
- 14-25 – речка, впадающая в плёс со стороны левого берега, почти на уровне середины плёса.
- 14-30 – ручей слева.
- 14-32 – сужение реки почти до 1 метра.
- 14-40 – плёс, Иван Тимофеевич сбил из ружья утку.
- 15-00 – плёс с островом.
- 15-07 – речка, впадающая справа в плёс 100x35 метров, с шириной устья 5 метров, которое в 20 метрах от него раздваивается ручьями по 30 см.
- 15-15 – отплыли от речки.
- 15-25 – озеро площадью приблизительно 2 км на 1 км с двумя островами.
- 15-45 – вышли из озера.
- 15-55 – плёс шириной около 70 метров.

- 16-25 – проплыли остров, на котором бегали ондатры.
16-40 – проплыли плёс шириной около 30 метров.
16-45 – ручей двойной слева, сделали остановку для отдыха на отмели.
17-10 – пережат длиной 20 метров.
17-20 – слева обрывистый берег высотой до 15 метров и пережат длиной около 100 метров.
17-30 – прошли пережат с завалом.
18-00 – прошли пережат с завалами длиной около двух километров.
18-10 – остановились для отдыха, в месте куда принесло водой ящик с номером 4387.
18-20 – плёс с островом справа.
18-30 – ручей справа.
18-55 – прошли завал, образованный двумя упавшими в реку деревьями.
19-10 – прошли 10-метровый завал.
19-12 – ручей справа у плёса шириной около 10 метров.
19-30 – завал, который пришлось преодолевать, волоча лодку по берегу.
19-40 – прорубались сквозь сплошной завал из деревьев, под нависавшими над водой ветками, меньше чем 1,5 метра над головой.
20-00 – приступили к поиску стоянки для ночлега.
20-30 – выбрали место для стоянки, на крутом левом берегу у тропы с двойными (на каждом дереве) затёсами, через каждые 10 метров.

13 августа 1972 года.

- 8-00 – только отплыли сразу шивера (мелководье с быстрым течением) около 30 метров, за ней протока шириной в разных местах от 5 до 10 метров, за ней плёс шириной около 100 метров.
8-15 – пережат длиной около 3-х метров.
8-25 – шивера длиной около 50 метров.
8-40 – речка справа.
8-50 – прорубались в завале из деревьев.
9-30 – полчаса преодолевали завал. Обнаружили в нём плот из четырёх брёвен. За завалом 20-тью метрами ниже, со стороны левого берега речка с шириной устья 1,5 метра, в десяти метрах от устья – 40 см.
10-00 – пережат длиной 10 метров.
10-10 – ручей слева, после него 15-метровый пережат.
10-15 – ручей слева.
10-17 – речка справа с шириной устья 30 см.
10-18 – ручей справа.
10-22 – ручей справа.
10-35 – пережат.
10-55 – проплыли, под упавшим в 40 см от поверхности воды, деревом.
11-07 – прошли трудно проходимый пережат.
11-08 – плёс шириной около 40 метров, с впадающим в него двойным ручьём.
11-20 – речка слева с шириной устья 30 см и с долиной шириной около 100 метров.
11-42 – ручей справа, после него остановились на отдых.
11-55 – отплыли от стоянки.
12-28 – препятствие в виде лежащего поперёк русла дерева. Пришлось волочь лодку мимо него по берегу.
12-45 – ручей слева, впадающий в круглую лагуну диаметром около 15 метров.

12-55 – на наклонившейся над водой большой лиственнице треугольный затёс и надпись:

«Подход к пункту Ананджит аз.225 - 12,5 км. Неразборчивая подпись». Сделали остановку, и пили сгущёнку.

14-20 – отплыли от затёса. Напротив лиственницы с затёсом остров.

15-00 – прямоугольная заводь слева.

15-07 – заводь в виде треугольника справа.

15-20 – Иван Тимофеевич убил селезня, стреляя почти в упор.

15-30 – порог длиной около 5 метров.

15-45 – ручей справа.

16-25 – шивера длиной около 100 метров.

16-37 – плёс шириной около 70 метров.

16-50 – ручей слева.

16-55 – бурный перекат (скорее порог) с водоворотом длиной около 25 метров, впервые черпанули лодкой воды, причалили к речной косе, где я подобрал пару интересных камней.

17-15 – отплыли от переката.

17-28 – два ручья на расстоянии 5 метров друг от друга слева.

18-00 – река слева, моросит дождь.

18-10 – завал из четырёх деревьев, в виде настила из трёх деревьев и четвёртого от них в метре.

18-20 – река справа. В устье слева по течению в 10 метрах от Большой Ерёмы в неё впадает ручей. Вероятно река Ананджит – изб рядом с устьем нет.

18-40 – ручей слева.

19-06 – плёс справа шириной около 100 метров.

19-15 – плёс шириной около 100 метров.

19-20 – речка справа, около неё плавают лебедь с четырьмя лебедятами.

19-40 – плёс справа.

19-50 – фотографирую лебедёнка оторвавшегося от стаи. Сверху кричит, летая над нами кругами, его мать.

20-00 – ручей справа.

20-01 – ручей слева.

20-05 – возвращаемся, на только что проплывшую нами, песчаную косу и делаем стоянку. Дождь кончился и мокрые до нитки, мы начинаем заготавливать дрова в 25 метрах от реки.

14 августа 1972 года.

8-30 – отплыли от стоянки.

9-45 – ручей справа.

8-55 – ручей слева.

9-20 – прошли завал.

9-30 – плёс слева.

9-45 – ручей справа.

10-20 – 5-метровый завал.

10-35 – ручей слева.

11-00 – ручей слева.

11-10 – ручей слева.

12-05 – песчаная шивера длиной около 50 метров.

12-08 – ручей слева.

12-55 – на востоке показалась двугорбая гора.

12-58 – ручей справа.

- 13-06 – на севере показалась округлая гора.
- 13-10 – сделали остановку для отдыха перед порогом.
- 14-15 – прошли порог.
- 14-20 – на левом берегу увидели лабаз, избу и баню.
- 15-15 – вошли в озеро диаметром 1,5 км, по которому плавали лебеди.
- 16-37 – вошли в ущелье с порогом длиной 150 метров.
- 17-10 – вышли с порога.
- 18-06 – слева, похожая на речку, старица (старое русло реки).
- 18-07 – вышли из старицы.
- 18-12 – подошли к водопаду высотой 1,5 метра.
- 18-30 – обошли водопад берегом, волоча за собой лодку.

Комментарий к последующим частям дневника, сделанный 20 августа 1972 года:

«Начиная с 15 августа 1972 года до 19 августа 1972 года включительно, описание маршрута искажено до неузнаваемости. Мной были сделаны существенные пропуски, специально для Ивана Тимофеевича Рысенко, который, переписывая, на стоянках сделанное мной описание маршрута, не пропускал даже не представляющие для него интереса детали...

Немного о самом описании маршрута. Оно осуществлялось практически синхронно с моей греблей веслом, сидя за спиной Ивана Тимофеевича. На моих коленях всегда лежал согнутый пополам тетрадный листок и я, на три-четыре секунды, положив рядом с ним весло, используя его в качестве подставки, делал на нём, посмотрев на часы, краткие записи и затем снова продолжал грести с тем же темпом. На стоянках для отдыха и обеда, я, по мере возможности, эти записи корректировал на тех же листках, а вечером, после ужина, перед сном, переносил эти записи в дневник.

Поводом для этого послужило то, что он переписал даже мои сравнения местности около эвенкийской стоянки, с местами, в которых он никогда не был.

Поэтому у меня, когда мы расстались с Иваном Тимофеевичем, сразу возникла навязчивая идея рассказать о своём попутчике немного подробнее, как о нём самом, так и о его навязчивой идее с кем-нибудь спуститься в лодке вниз по Большой Ерёме - от её верховьев до населённого пункта Большая Чайка.

Вообще-то он вначале думал доплыть до села Преображенка, хотя от устья Большой Ерёмы до Преображенки нужно было подниматься вверх по Нижней Тунгуске около 80 километров, и как ему удалось бы это сделать, он наверно и сам тогда хорошо не представлял.

А всё началось с того, что на озере Чеко заглох движок, и лишённая электроэнергии встала лаборатория КСЭ, находящаяся на переднем крае советской науки далеко в тунгусской тайге. Профессор Николай Васильев не находил себе места. И тут, как в сказке, появился майор авиации, к тому же специалист по двигателям. Движок заработал. Загудели муфеля и словно встрепенулись, ожившие микроскопы в нестройных волнах пульсирующего тока. Лаборатория решала огромную проблему, не имевшую никакого народнохозяйственного значения, хотя об неё многие уже обломали зубы – проблему Тунгусского метеорита.

Тем временем я решал более скромную задачу – понять этих людей, которые посвящали свои отпуска этому не лёгкому делу.

Иван Тимофеевич так и остался чёрным ящиком, то есть тайной крышкой покровом секретности граничащей с глупостью.

Цели его были очень расплывчаты и противоречивы. Он напоминал растерявшегося хапугу, нашедшего благодатную почву для своих дел, но понявшего, что нагруженный его амбициями воз, ему одному не вывезти на

большую дорогу. И поэтому он раскрыл часть своих краплёных карт перед случайными людьми.

Так началась им обработка, после поверхностного знакомства Толика Косолапова, одного из тех отчаянных парней, единственная корысть которых связана только с тягой к неизведанным маршрутам.

Иван Тимофеевич вцепился в него всеми конечностями, используя зубы и природное нахальство, а также тот же дефицит времени, которым располагал последний.

И таёжная река на карте, которая многим даже своим названием, ничего не говорящая, стала тем ипподромом, где Иваном Тимофеевичем, предлагалось Косолапову проявить себя в качестве рабочей лошади или прикованного к галере гребца.

Рисуя при этом заманчивые перспективы их совместного путешествия, он, в конце концов, переусердствовал, чем и ввёл Косолапова в беспросветную тоску. *А тут ещё Джон Анфиногенов нашёл «метеорит»* и Анатолий Косолапов не находя на Заимке для себя достойного места, совершенно случайно наткнулся на меня.

Я тем временем, вернувшись с Верхней Лакуры, успел поссориться с Джоном Анфиногеновым и со скверным настроением вернуться с Кимчу с письмом от московских геоморфологов к своему начальнику, который о них, кажется, забыл.

Разговорившись с Косолаповым, я наверно подлил масла в огонь его сомнений, сказав ему, что «камень» Джона Анфиногенова, возможно, окажется Тунгусским метеоритом, хотим мы этого или не хотим, вне зависимости от того, нравится Джон ему лично или нет.

Вероятно, этими пессимистическими прогнозами, я привёл Косолапова в прежнее состояние трезвой рассудительности.

После сбора КСЭ, Иван Тимофеевич покинул Заимку и развернул в Ванаваре лихорадочную деятельность, не подозревая, что Косолапов махнул рукой на всё его это грандиозное мероприятие.

У меня же за это время на душе как-то потеплело. Я мог уже спокойно без раздражения разговаривать с Алёной Бояркиной и даже, после разговора с Джоном, перестал на него дуться, хотя чувствовал, что никогда мне больше не относиться к нему с прежним восхищением.

Старое всплывало в воспоминаниях, и я рисовал Джона, каким он был, а не таким, каким он может быть *или возможно является* самом деле.

Некоторые при этом соглашались со мной, другие спорили, а мне было всё равно оттого, что я, как правило, не очень то задерживался на обсуждении персоны Джона, а переходил к обсуждению вещей более приятных и вызывающих всеобщий интерес.

Например, пел свои песни, нисколько не стесняясь, что меня не поймут...

Я также вскоре покинул Заимку с Олегом и Сашей Фазлиевым, студентами из ТГУ.

Через два с половиной дня мы были в Ванаваре, где я вновь встретился с Иваном Тимофеевичем, который уже начинал нервничать. Дело близилось к восьмому августа, а Косолапов так и не появился. В том, что Косолапов засомневался, Иван Тимофеевич даже не подозревал, а мне до этого просто не было никакого дела.

Билет на самолёт мне удалось купить только на 16 августа. Деньги у меня таяли, потому что их явно не хватало на троих...» *(на этом запись в дневнике обрывается).*

Этим моим затруднительным положением и воспользовался Иван Тимофеевич и 7 августа в 12 часов ночи, уговорил меня, распив со мной и Антоновым-младшим бутылку водки, принять его предложение. Действительно, чем сидеть без дела в Ванаваре и восемь дней ждать самолёт, можно за это время совершить ещё одно

путешествие – и я, выслушав этот его, бесспорный, довод, с ним согласился, даже не удосужившись до дня вылета, посмотреть на лодку, на которой нам предстояло плыть. Продав билет Игорю, я стал вместе с Иваном Тимофеевичем заниматься уговорами пожарников забросить нас в верховья Большой Ерёмы, которые, оказывается, ничего конкретно ему не обещали, и только то, что я уже совершил в одиночку куда более сложное путешествие, сыграло в этих переговорах решающую роль.

Начальник пожарников Юра Юрин, только сказал мне тогда, чтобы мы на всякий случай взяли больше продуктов. Я передал его пожелание Ивану Тимофеевичу, но тот заверил, что продуктов у него припасено достаточно, но оказалось, что их хватит только на половину пути, и поэтому приходилось надеяться на результаты охоты и рыбалки, которые себя не оправдали.

Далее оригинал записей (записи, сделанные специально для Ивана Тимофеевича приводить было бы просто смешно).

15 августа 1972 года.

7-50 – отплыли.

8-55 – наткнулись на подводные камни.

9-10 – река справа.

9-20 – плёс слева.

9-35 – река?! справа.

10-00 – плыли плёсом шириной около 50 метров, до порога длиной около 20 метров, имевшим в конце водопад высотой около метра.

10-20 – прошли водопад.

10-35 – подошли к реке Еремакан. Ширина реки в устье и дальше более 20 метров, о чём можно было судить по просматривавшемуся на 1-2 километра её руслу.

11-20 – подошли к избе, в относительно хорошем состоянии на правом берегу реки, судя по всему, бывшей геологической лаборатории. На стенах остатки электропроводки, вокруг брошенные тачки, металлическая сетка, ящики. Рядом с избой порог. Взял земляную пробу, поднявшись в гору на высоту примерно 50 метров.

11-45 – отплыли и сразу же вошли в систему порогов.

13-27 – вышли с девятого порога.

13-40 – после плёса прошли десятый порог.

14-10 – сужение русла реки в конце плёса примерно с 45 метров до 5 метров.

14-25 – после плёса, порог.

14-30 – стоянка на обед.

15-00 – отплыли.

15-08 – островок в протоке.

15-20 – прошли небольшой порог, и вышли из ущелья, на выходе из которого, прошли ещё один небольшой порог.

16-40 – после ущелья плыли мимо правого гористого берега по плёсу шириной около 40 метров.

17-10 – прошли небольшой порог.

17-25 – снова вошли в ущелье и прошли второй порог.

17-35 – третий порог. При проводке лодки, я споткнулся и упал в воду. Дальше было сужение русла до 20 метров и на расстоянии 100 метров порог №4.

18-10 – сошли с 5-го порога.

18-15 – сошли с 6-го порога.

18-28 – со стороны левого берега лысая гора.

- 18-45 – срез (уклон) берега 30°.
18-50 – порог
19-00 – остановка на ночлег на острове рядом с порогом.

16 августа 1972 года.

Перед отплытием взял земляную пробу грунта.

8-30 – отплываем от порога. В 20 метрах от него второй порог поменьше, за ним плёс шириной около 30 метров.

8-58 – система порогов с расположением «1 + 4» (*расстояние от первого до остальных больше, между остальными примерно одинаковое*), через 10-15 метров между ними плёсы.

9-12 – сошли с 5-го порога.

9-20 – в 150 метрах от 5-го порога прошли небольшой порог.

9-30 – плыли вдоль правого берега, через 200 метров галечный островок длиной около 2-х метров в форме треугольника.

10-20 – сужение русла, камни.

11-10 – порог у горы со стороны правого берега (вероятно, входим в ущелье), после порога в ста метрах от него ещё два порога.

11-50 – прошли эти пороги, за ними сужение реки до 30 метров.

12-05 – прошли порог, волоча лодку по берегу.

12-15 – подошли к большому порогу.

12-20 – вышли с порога.

12-27 – порог, за порогом большие камни.

12-55 – черпанули лодкой воды, прошли скалу похожую на охотника и вошли в систему из 8-ми порогов.

13-22 – прошли пороги.

13-30 – прошли 9, 10 и 11 порог.

13-45 – стоянка для обеда и отдыха у порога.

14-15 – отплыли от порога.

14-55 – вышли с порога имеющего систему гребней «3 – 2 – 1».

15-05 – подошли к порогу.

15-10 – всюду камни, как в верховьях Лакуры, в смысле того, что оба берега обрамлены камнями. Прошли восемь бурных гребней (*почти рядом расположенных порогов*) у девятого гребня скала с истуканами похожими на тех, что на острове Пасхи. Прошли 9, 10 и 12 гребень.

16-20 – вышли из «лакурского» канала.

16-23 – 13-й порог, за ним вдоль русла отдельные камни.

16-45 – порог.

16-58 – прошли порог, за ним плёс.

17-00 – плёс, как озеро длина 1км, ширина около 300-х метров.

17-20 – вышли из реки справа, дошёл по ней вверх до переката шириной 3 метра.

17-43 – прошли озеро-плёс, за ним порог.

18-30 – прошли систему порогов «5 + 2».

18-35 – прошли порог, находясь в лодке.

18-45 – порог-ворота, то есть между правым и левым берегами, имеющими одинаково крутые берега.

19-40 – порог, впереди гора с геодезической вышкой.

20-00 – прошли систему из четырёх порогов и остановились на ночлег.

17 августа 1972 года.

Взял пробу земляного грунта №6 за системой из четырёх порогов.
7-40 – отплыли.
7-55 – сошли с порога.
8-00 – прошли «ворота».
8-10 – подошли к каскаду из трёх порогов, находящихся на расстоянии 50 метров друг от друга.
8-22 – вышли с порогов.
8-35 – увидели плавающих лебедей, две взрослых птицы и четыре птенца (*каждый величиной с гуся*).
8-40 – 8-43 – сели на подводный камень.
8-45 – подошли к каскаду из 6-ти порогов, через каждые 25-30 метров.
9-15 – прошли каскад порогов.
9-20 – за порогами треугольные затёсы на деревьях, гвозди вбитые в деревья, полуистёртая надпись на затёсе: «...сь».
9-40 – вошли в систему из 6 порогов.
10-10 – вышли из системы порогов.
10-12 – порог-ворота, за ним плёс длиной 200 и шириной около 100 метров.
10-30 – подошли к порогу.
10-33 – прошли порог.
10-50 – ручей (речка) слева.
12-00 – отошли от речки?! – ширина в устье около 3 метров, примерно в 500 метров от устья русло шириной 1 метр.
12-20 – каскад из 9-ти порогов. 5-й длиной около 50 метров, 6-й больше 8-го. У девятого порога скала с каменными «истуканками».
14-40 – вышли из 18-ти порогов.
14-50 – проплыли по каменистой долине русла, остановились у порога. На правом берегу реки увидели две маленькие (*как игрушечные*) избушки. Осмотрев их, подумали, что они принадлежали старателям, мывшим здесь золото.
15-20 – вошли в порог.
15-35 – вышли из второго, через 50 метров от первого, порога.
15-55 – подошли к устью реки Алтыб.
16-00 – вышли из устья Алтыба. Взял земляную пробу.
16-40 – порог, состоящий из 6-ти гребней.
17-50 – прошли порог.
18-20 – прошли систему порогов «1 + 2 (плёс) + 1».
18-25 – подошли к порогу.
18-30 – прошли порог.
18-50 – подошли к порогу.
19-00 – прошли порог.
19-15 – подошли к порогу.
19-20 – прошли порог и остановились на ночлег.

18 августа 1972 года.

Взял земляную пробу на правом берегу, поднявшись на высоту около 25 метров.
7-45 – отплыли.
7-55 – подошли к порогу.
8-10 – прошли две пары «ворот».
8-30 – ручей слева.
8-35 – Иван Тимофеевич убил глухарку с четвёртого выстрела.
9-15 – геодезическая вышка на горе по курсу лодки.

9-25 – встреча с охотником Геной из Ангарска. *Охотник рассказал, где находится его напарник и, приблизительно, сколько будет километров до зимовий впереди.*

9-30 – три избушки слева - эвенкийская база.

10-20 – прошли порог.

10-40 – ручей (речка) с каменистым руслом, в устье две протоки.

10-55 – отплыли от речки.

11-45 – ручей справа.

11-47 – ручей справа.

11-55 – ручей слева, рядом с ним брошенный кем-то плот.

12-45 – река слева.

12-53 – отплыли от реки.

13-25 – шивера с подводными камнями.

14-00 – остановились для отдыха и обеда у лысой горки.

15-05 – отплыли.

15-45 – проплыли мимо пяти островов, расположенных у размытого правого берега, последний представлял собой маленький галечный островок.

15-50 – две речки слева.

16-30 – охотничья изба.

16-55 – отплыли от избы, передохнув внутри её на нарах. *Иван Тимофеевич даже изъявил желание в ней переночевать, но я был против этого, и предложил плыть до зимовья, где был напарник охотника Гены.*

Он так уже несколько дней попрекал меня в том, что я плохо гребу и тем, что, наверно, мне хочется, чтобы он опоздал на службу, и о его опоздании доложили министру обороны.

17-30 – река с быстрым течением справа. Почти напротив устья реки остров.

17-40 – отошли от реки.

18-20 – снова увидели плавающих лебедей. Двое взрослых и три птенца (уже почти оперившихся и величиной с большого гуся).

Иван Тимофеевич завёл разговор о том, «что в тайге может так случиться туго с продуктами, что придётся стрелять и в лебедей». На что я возразил ему тем, «что нечего соваться в тайгу вдвоём с десятью банками тушёнки, и считать, что этого хватит на две недели».

19-10 – сделали остановку, обнаружили рядом старую тропу.

19-20 встреча с дедом (с ангарским охотником Иваном Евсеевичем Перцевым). *Остались у него ночевать. Рассказали ему, откуда мы плывём. Дед сказал, что нам просто повезло, что в верховьях Большой Ерёмы прошли дожди, а то бы мы, врятли, так быстро смогли бы преодолеть такое расстояние по обмелевшей реке.*

19 августа 1972 года.

9-00 (время иркутское) – отплыли. Дед снабдил меня продуктами (*лосятиной и белым хлебом, который он пёк сам, в зимовье в русской печке, и сложенной им самим*).

9-15 – сделали остановку.

9-35 – развалины избушки на левом берегу.

9-40 – ручей слева, справа песочный пляж шириной около 10 метров.

14-00 – во время остановки для отдыха, Иван Тимофеевич сказал, «что на меня плохо действуют продукты – придётся их выбросить». Ну и скотина!

14-55 – порог, который прошли, не выходя из лодки.

15-00 – остановка на обед.

16-00 – отплыли от стоянки.

18-15 – встреча с геологами. *Иду навстречу желанию Ивана Тимофеевича выкинуть мясо - отдаю его всё геологам, хотя он, сказал, что можно и себе немного оставить. Ночевать решаю остаться у геологов. Иван Тимофеевич, поколебавшись, соглашается со мной, потому что мясо, сразу же оказавшееся в ведре, подвешенном над костром, варится, и как тут не поужинать со всеми за компанию.*

20 августа 1972 года.

Иван Тимофеевич хочет плыть, не попрощавшись с геологами. Его нытьё переходит в оскорбления, но я непреклонен. Геолог Сергей предлагает продукты - беру у него пару банок сгущенного молока.

Вчера перед сном договорился с геологом Стёпой Каплиным об обмене с ним литературой по Тунгусскому метеориту.

Отплыли от стоянки геологов.

Иван Тимофеевич злорадно напевает песню Высоцкого о друге («*Если друг оказался вдруг и т.д.*»). Я его поправляю, что мы никогда не были друзьями, а являемся всего лишь обыкновенными авантюристами и не зачем ему мечтать о том, чего не было.

До Усть-Чайки больше не разговариваем. Проплыли мимо избы, но я даже не поинтересовался, сколько было времени *рядом с ним и около устья реки Большая Чайка.*

В «*посёлке*» Усть-Чайка, *примерно в 0,5 км, ниже Большой Чайки*, встретили отпускника с сыном. Не сегодня, так завтра за ним должен из Преображенки прилететь вертолёт.

Договариваемся с Иваном Тимофеевичем завтра отплыть пораньше. От отпускника я узнал, что после Усть-Чайки есть порог, с виду вроде бы не представляющий ничего особенного (выглядит, как перекат), но лучше всё-таки лодку провести вдоль берега, *так как там, как раз в основном и купаются, налетев в лодке, на почти незаметные в быстром течении реки, камни.*

21 августа 1972 года.

С утра сильный туман. Иван Тимофеевич торопит с отплытием. Прошу его переждать пока туман рассеется, хотя бы полчаса.

Иван Тимофеевич в ярости *и я просто* посылаю его на ..., давая, понять, что если подобные выпады будут повторяться, то до Ерёмы мы будем добираться каждый, как сможет.

Видимо этот вариант, вполне устраивал Ивана Тимофеевича. Отдаю ему продукты и последнюю банку сгущёнки.

Иван Тимофеевич требует, чтобы я ещё отдал ему карту верховий Большой Ерёмы. *Карта, он заявляет мне, что секретная, и он не может допустить, чтобы я воспользовался ею во вред государству.* Иду на компромисс и бросаю эту карту в костёр. *Иван Тимофеевич втапывая сапогом карту вглубь костра, говорит, словно, вынося мне приговор:*

- Как ты со мной, - так и я с тобой!

Ему виднее. Дальнейшие *его высказывания* о моей неблагодарности, пропускаю мимо ушей.

Предлагаю ему есть кальмаров, которые он утаил на Алтыбе, когда мы были вынуждены экономить на продуктах.

Поэтому вся его дешёвая демонстрация принципиальности, совсем не тронула мою душу, так как перечёркивалась принятым им решением дальше плыть одному.

Я остался при своём мнении. Иван Тимофеевич медленно отчаливает, что-то говорит, но я его уже не слушаю и лишь бросаю ему вдогонку то, что можно сказать в таком случае:

- Не надо *только* быть *такой* последней сукой Иван Тимофеевич!

Иду спать. Потом знакомлюсь с отпусником поближе. Прошу его написать мне в Москву, когда за ним придёт (*пришёл*) вертолёт. Приглашаю его на Алтыб в следующем году. Он снабжает меня солёной рыбой и суёт банку тушёнки. Рыбу беру, а от тушёнки отказываюсь. Оставляю ему остатки манной крупы, сухари и почти весь сахар. У отпусника тоже кончаются продукты, а вертолёт может прилететь и через неделю.

Отпусник перевозит меня на левый берег, и по нему я продолжаю свой путь к *Нижней Тунгуске*.

22, 23, 24 августа 1972 года.

Самый тяжёлый участок пути за всё время моего путешествия в этом году. Ноги стёрты до крови, каждый шаг вызывает острую боль. 23 августа кончились продукты. 24 августа, в середине дня подошёл *по левому берегу Нижней Тунгуски, почти* до села Ерёма, *расположенного на правом берегу*.

Первого же, увиденного мной человека, проплывавшего недалеко от берега на моторной лодке, прошу перевезти на противоположный берег.

Схожу с моторной лодки рядом с лодкой Ивана Тимофеевича. Бывает же такое совпадение. Рядом с лодкой мужчина средних лет и примерно мой ровесник, то ли её чинят, то ли разбирают на доски.

Узнаю у них, - уехала ли эта сука, - *приплывшая сюда на лодке*.

Если говорить точнее, то ткнул лодку сапогом в борт, и спросил:

- *А, что этот х..., ещё здесь!*

Оказывается, *он вылетел из Ерёмы ещё* 22 августа, и, слава Богу, что хотя бы здесь я *теперь* избавлен от его общества.

Меня приглашают отобедать к себе, мои новые знакомые, Костя Юрьев, начальник местной почты и *его тесть* Николай Андреевич *из Братска*. Принимаю приглашение и с удивлением замечаю, что меня, в их доме, встречают почти, как родственника. Ночевать остался *у новых знакомых, и в разговорах с ними, я* раскрыл в них ещё немало достойных для подражания качеств.

25 августа 1972 года.

В середине дня вылетел на почтовом самолёте в Ербогачён, *хотя совсем туда не собирался*.

Когда Костя Юрьев сказал, что-то сегодня самолёт прилетел рано, я не придал этому значения, и не спросил у лётчика, куда он летит, уговаривая его взять меня на борт без билета, так как ерёминский кассир ушёл собирать клюкву и ещё не вернулся из тайги.

На этом записи в дневнике обрываются, хотя впереди опять же, не обошлось без приключений.